

**Виктор Дмитриевич Кудрявцев-
Платонов**

Сочинения

Том II. Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В43

Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов
В43 Сочинения: Том II. Выпуск 1 / Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 356 с.

ISBN 978-5-458-04926-9

Посмертное издание собрания сочинений видного представителя русского теизма – профессора Московской Духовной академии и Председателя Братства Преподобного Сергия. Несмотря на то, что в истории русской философии Кудрявцев-Платонов не получил известности как основатель оригинальной философской системы, его по праву считают превосходным философским писателем и талантливым выразителем идеи непротиворечивого сочетания философского мирозерцания и христианского учения. Структура трехтомного издания построена на курсе лекций, читанных Кудрявцевым-Платоновым в академии, и созданном им учебнике по философии. В первом томе представлено введение в философию и цикл статей по гносеологии, второй том посвящен исследованиям в естественном богословии, и, наконец, в третьем томе собраны его работы по космологии и рациональной психологии.

ISBN 978-5-458-04926-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОЧИНЕНІЯ В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
1. Объ источникѣ идеи Божества.	1— 34
2. О промышлѣ.	35— 79
3. Рѣчь на диспутѣ, предъ защитою диссертациі на степень доктора богословія: «Религія, ея сущность и происхожденіе».	80— 87
4. Религія, ея сущность и происхожденіе.	88—315
<p> I. Критика атеистическихъ понятій о сущности и происхожденіи религіи. 92—109. Теорія Фейсрбаха. 109 131.—</p> <p> II. Критика деистическихъ и пантеистическихъ воззрѣній на тотъ же предметъ. 132—134.— 1. Ученіе о религіи до-Кантовскихъ рационалистовъ. 134—149.— 2. Ученіе о религіи Канта. 149— 196.— 3. Ученіе о религіи Якоби. 196— 216.—</p> <p> 4. Ученіе о религіи Шлейсмахера. 216—245.—5. Ученіе о религіи Гегеля. 245—269. Мнѣнія—Фриза, Фихте, Шеллинга, и другихъ; мнѣнія новѣйшихъ богослововъ, Шенкеля и др. 269—278. III. Выводы изъ критическаго разсмотрѣнія различныхъ мнѣній о сущности и происхожденіи религіи. Теистическое воззрѣніе на этотъ предметъ. 279—280.—1. Объективный источникъ религіи. 281— 297. — 2. Субъективный источникъ религіи. 297—315.</p>	
5. Тезисы сочиненія: «Религія, ея сущность и происхожденіе»	316—319
6. Религія и позитивная философія	320—350

ОБЪ ИСТОЧНИКЪ ИДЕИ БОЖЕСТВА *).

Въ ряду не происходящихъ изъ внѣшняго опыта и отъ разсудочнаго отвлеченія представленій нашего ума, называемыхъ идеями, идея о Богѣ занимаетъ первое мѣсто, какъ по той существенной связи, какую она имѣетъ съ другими идеями, служа ихъ кореннымъ началомъ, такъ и по вліянію на весь умственный и нравственный строй человѣческой жизни. Поэтому первая задача метафизическаго ученія объ идеяхъ, рѣшить вопросъ: истинна ли эта идея? Иначе—соотвѣтствуетъ ли ей реальный предметъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ свою очередь, состоитъ въ неразрывной связи съ рѣшеніемъ вопроса о ея происхожденіи въ нашемъ умѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если первоначальный источникъ идеи Божества скрывается или въ произволѣ творческой фантазіи, или въ какихъ либо субъективныхъ ощущеніяхъ и побужденіяхъ человѣка, напримѣръ въ чувствѣ страха предъ грозными явленіями природы, въ желаніи сообщить большую силу предписаніямъ нравственности посредствомъ искуснаго вымысла и тому под., то очевидно она не можетъ имѣть никакого реального значенія сама въ себѣ. Если же окажется напротивъ, что эта идея есть коренная принадлежность человѣческаго духа, что она не могла явиться въ насъ иначе, какъ въ слѣдствіе дѣйствія на нашъ духъ соотвѣтствующаго ей Высочайшаго Существа,—то истина ея будетъ несомнѣнна.

---

*) Эта статья была напечатана на стран. 31—78 „Сборника, изданнаго Московскою Духовною Академіею по случаю празднованія ея пятидесятилѣтія.“ Москва, 1864. и въ „Приб. къ Твор. св. Отц.“ за 1864 г. ч. XXIII, стр. 363—410.

Кромѣ общаго философскаго значенія вопросъ объ источникѣ идеи Божества получаетъ особенную важность и потому еще, что матеріалистическая философія нашего времени, не ограничиваясь вытекающимъ изъ самаго существа ея отверженіемъ реальности идеи Божества, старается указать самый процессъ образованія и развитія этой идеи въ родѣ человѣческомъ. Въ различныхъ гипотезахъ о происхожденіи религіи, которыя находятъ отзвукъ и въ нашей литературѣ, она также старается указать на различные мнимые и случайные источники религіозной идеи, — источники, свойство которыхъ само собою уничтожаетъ всякую мысль объ ея истинѣ. — Все это указываетъ не только на важное значеніе изслѣдованія о дѣйствительномъ источникѣ идеи Божества въ современной философіи, но и на лучший, по нашему мнѣнію, методъ этого изслѣдованія. Имѣя въ виду различныя мнѣнія о происхожденіи религіозной идеи, этотъ методъ долженъ быть діалектико-критическій. Путемъ возможно полнаго разбора всѣхъ предположеній о происхожденіи сей идеи, мы должны идти къ отысканію единственно-истиннаго понятія объ ея источникѣ.

Прежде всего представляются нашему вниманію тѣ атеистическія гипотезы происхожденія идеи Божества, которыя, отвергая ея объективность и истину, объясняютъ ея возникновеніе въ родѣ человѣческомъ изъ причинъ случайныхъ, *внѣшнихъ*.

Такъ еще нѣкоторыми софистами было высказано, а философами-энциклопедистами XVIII-го столѣтія возобновлено мнѣніе, что идея Божества есть не что иное, какъ вымыслъ лицъ, которымъ казалось выгоднымъ для себя или полезнымъ для другихъ заставить людей вѣрить въ Бога. Такими лицами выставляются то жрецы, то мудрецы и законодатели. Побужденіе къ вымыслу находятъ то въ эгоистическомъ желаніи получить большую силу и вліяніе въ обществѣ, то въ болѣе чистомъ намѣреніи поддержать нравственность людей умнымъ вымысломъ. Такъ какъ законодатели и мудрецы могли, говорятъ, предвидѣть, что ни уваженіе къ ихъ личности послѣ ихъ смерти, ни буква ихъ законовъ, ни внѣшнія принудительныя средства общественной власти недостаточны сами по себѣ внушить уваженіе къ законамъ: то они выдумали для охраненія законовъ бессмертныхъ стражей, — боговъ, которые

могли бы слѣдить не только за явными преступленіями, но и за самою совѣстью, которые бы имѣли силу видѣть и наказывать то, чего не видитъ общественная власть, и страхъ которыхъ преслѣдовалъ бы человѣка и тамъ, куда не достигаютъ взоры закона.

Единственное основаніе, выставляемое въ защиту подобнаго мнѣнія, есть нѣкоторыя историческія указанія на тѣсную связь религіи съ общественною властью и законодательствомъ въ древнѣйшія времена. Указываютъ напр. на то явленіе, что въ древнѣйшую эпоху господствующая форма правленія была оократическая, и что при этой формѣ правленія жрецы имѣли существенный интересъ въ учрежденіи и поддержаніи религіи. Указываютъ далѣе на то, что древніе законодатели и мудрецы употребляли религію какъ средство внушить уваженіе къ законамъ, ссылаясь на божественное откровеніе, напр. Зороастръ, Миносъ, Нума Помпилій и пр.

Не трудно замѣтить, что эти факты указываютъ только на *связь* религіи съ общественною властію въ древнія времена, а никакъ не на *происхожденіе* ея, такъ что, если бы даже религія явилась одновременно съ жрецами и законодателями, то и отсюда никакъ не слѣдовало бы, что послѣдніе были виновниками первой. По въ дѣйствительности исторія показываетъ, напротивъ, что религія гораздо древнѣе ея мнимыхъ изобрѣтателей,—жрецовъ и законодателей. Въ первобытномъ патріархальномъ состояніи всѣхъ племенъ, мы находимъ еще религію безъ жрецовъ. Главы семействъ исполняютъ религіозныя обязанности, которыя потомъ уже переходятъ къ отдѣльному сословію жрецовъ; такъ напримѣръ было у евреевъ, грековъ, римлянъ. И въ настоящее время мы находимъ нѣкоторыя племена безъ жрецовъ, но не безъ религіозныхъ понятій. Что же касается до оократической формы правленія, будто бы общей всѣмъ народамъ древности и условливавшей утвержденіе религіозныхъ вѣрованій, то исторія показываетъ, что эта форма была далеко не всеобщою и первоначальною; у нѣкоторыхъ народовъ (Китай, Римъ, Греція) ея не было, а гдѣ она и была, тамъ зависѣла отъ особенностей *предшествовавшей* религіозной жизни и ея силы. Какъ религія предшествовала жрецамъ, также точно предшествовала она и законодателямъ. Послѣдніе являют-

ся въ древности въ столь тѣсномъ отношеніи къ религіи потому, что религія имѣла въ то время особую силу; такъ какъ религіозныя вѣрованія были уже существенно соединены съ общественнымъ бытомъ племенъ, то и законодатели не могли не воспользоваться ея вліяніемъ для утвержденія своихъ постановленій. Далѣе гипотеза, нами разсматриваемая, совершенно противорѣчитъ тѣмъ обстоятельствамъ времени и мѣста, какія представляются условіями возникновенія и распространенія религіи. Говорятъ: религіозная идея впервые возникла и утвердилась въ то время, когда люди были еще очень неразвиты и неразумительны, когда всякая выдумка лица, заслужившаго уваженіе, принималась на вѣру. Но именно эта-то предполагаемая неразвитость и препятствовала бы распространенію религіозной идеи, если бы она была не больше какъ вымысломъ. Чѣмъ умственно неразвитѣе и непосредственнѣе человѣкъ, тѣмъ съ большимъ трудомъ онъ вѣритъ существованію того, что не можетъ быть ему наглядно, эмпирически указано. Если же въ немъ есть способность вѣрить въ нѣчто вышечувственное, то конечно эта вѣра не можетъ быть внушена ему отвлѣ, но происходитъ отъ болѣе глубокаго источника, заключающагося въ немъ самомъ. Безъ этой внутренней потребности вѣрить въ невидимое и нечувственное, чѣмъ больше человѣкъ былъ бы неразвитъ, тѣмъ меньше могъ бы повѣрить какой либо выдумкѣ предмета недоступнаго его чувствамъ. Что касается до нравственнаго характера предполагаемаго вымысла, то онъ скорѣе служилъ бы препятствіемъ, чѣмъ побужденіемъ, принять его на вѣру. Человѣкъ бываетъ иногда легковѣренъ и падокъ на выдумки, но только тогда, когда эти выдумки льстятъ его наклонностямъ, оправдываютъ его порочныя стремленія. Но не легко человѣкъ чувственный повѣрить такому вымыслу, который будетъ лежать тяжелымъ гнетомъ на всѣхъ его дѣйствіяхъ, будетъ ограничивать его чувственные влеченія запретомъ и угрозою наказанія не только въ жизни, но и по смерти. Люди простые, руководящіеся въ жизни одною внѣшностію и чувственностію (какими представляетъ ихъ разсматриваемая гипотеза въ эпоху изобрѣтенія религіи), едва ли бы стали бояться какого-то невидимаго существа больше, чѣмъ внѣшнихъ наказаній. Если и теперь въ большей части случаевъ бы-

ваетъ такъ, что страхъ общественнаго мнѣнія и законовъ болѣе обязываетъ къ нравственности, чѣмъ мысль о невидимомъ Законодательѣ и загробномъ судѣ, то это еще больше должно бы имѣть мѣста въ ту воображаемую эпоху, когда о высшихъ требованіяхъ нравственности по совершенному отсутствію религіозныхъ понятій не могло быть и рѣчи. Невозможно повѣрить, что въ ту эпоху господства чувственныхъ представленій и эгоистическихъ стремленій удалось кому нибудь посредствомъ хитрой выдумки склонить народъ къ признанію бытія Божія и къ исполненію обязанностей налагаемыхъ религіею.

Итаконецъ гипотеза происхожденія идеи Божества, нами разсматриваемая, представляетъ внутреннее противорѣчіе и несообразность. Именно, она не объясняетъ того, что имѣетъ въ виду объяснить,—*первоначальнаго* происхожденія этой идеи. Религіозныя понятія, по ея мнѣнію, распространились отъ жрецовъ, мудрецовъ, законодателей: по откуда же въ нихъ самихъ могли возникнуть эти понятія? Какой процессъ размышленій могъ привести ихъ самихъ къ представленію Существа сверхчувственнаго, о которомъ ничто внѣшнее не могло дать имъ понятія? Указываютъ на самолюбіе, властолюбіе и подобныя личныя побужденія, какъ на причины такого вымысла. Но подобныя побужденія могли быть только неопредѣленными побужденіями *вымышлять*, но не дать готовыхъ элементовъ для такого понятія, ничего сходнаго съ которымъ не представляла существовавшая дотолѣ область понятій и представленій. Психологія говоритъ намъ, что для составленія самаго фантастическаго представленія нужны элементы, заимствованныя изъ данныхъ, реальныхъ впечатлѣній, что самая смѣлая фантазія не творитъ изъ ничего, но преобразуетъ элементы дѣйствительныхъ представленій. Но мнимые изобрѣтатели религіозной идеи, въ окружающемъ ихъ чувственномъ мірѣ, не имѣли ничего, что бы могло имъ дать понятіе о невидимомъ, вѣчномъ, всемогущемъ Существовѣ; очевидно, такое понятіе не могло принадлежать къ числу произвольно создаваемыхъ представленій.

Сознавая недостаточность однихъ внѣшнихъ причинъ для объясненія происхожденія религіозной идеи, нѣкоторые мыслители ищутъ въ самой душѣ человѣческой субъективныхъ

побужденій къ ея образованію. Такимъ побужденіемъ уже древніе матеріалисты полагали страхъ первобытнаго человѣка предъ грозными явленіями природы: *timor primos fecit Deos*, говорилъ Лукрецій. И въ наше время также нерѣдко можно встрѣтить мнѣніе, что „астральныя и метеорологическія явленія, сильнѣе дѣйствовавшія на первобытное человѣчество, возбудили въ немъ то чувство ужаса и благоговѣнія, которое повело къ созданію религіи“ *).

Нельзя не замѣтить и съ перваго взгляда, что въ этой гипотезѣ, между причинною производящею религіозную идею — грозными явленіями природы, и между ея дѣйствіемъ — религіею, нѣтъ никакой логической связи. Что грозныя явленія природы возбуждаютъ въ человѣкѣ страхъ, это правда; но какимъ образомъ здѣсь къ страху присоединяется и *благоговѣніе*, то есть религіозное отношеніе къ предмету страха, рѣшительно необъяснимо. Страхъ предъ грозными явленіями природы чувствуютъ и животныя и еще сильнѣе, чѣмъ человѣкъ; но отчего страхъ не переходитъ у нихъ въ благоговѣніе, въ религію? Страхъ и теперь чувствуетъ человѣкъ при многихъ необычайныхъ явленіяхъ природы, при встрѣчѣ съ опасными предметами, но ни предъ однимъ изъ нихъ онъ не чувствуетъ благоговѣнія, не испытываетъ религіознаго чувства. Очевидно благоговѣніе и страхъ — понятія далеко не тождественныя.

Конечно защитники разсматриваемой нами гипотезы имѣли въ виду то явленіе, что у нѣкоторыхъ неразвитыхъ племенъ религіозное чувство преимущественно выражается въ видѣ страха предъ существами, почитаемыми за боговъ, и что эти существа представляются въ чертахъ грозныхъ, заимствованныхъ изъ грозныхъ явленій природы. Но съ одной стороны, такое выраженіе религіознаго чувства есть явленіе далеко не всеобщее у неразвитыхъ племенъ, а у тѣхъ, у которыхъ дѣйствительно замѣчается, оно есть выраженіе не первоначальной, а искаженной уже формы религіи, также точно, какъ и состояніе дикарей не есть выраженіе первобытнаго состоянія рода человѣческаго. Съ другой, чувство религіознаго страха не есть явленіе однородное съ ощущеніемъ

---

*) Энциклон. словарь 1861, т. IV. Амулетъ,

обыкновеннаго страха предъ грозными феноменами природы и не можетъ происходить отъ нихъ. Въ страхѣ религіозномъ выражается сознаніе высшей, невидимой силы, управляющей явленіями природы; въ обыкновенномъ страхѣ нѣтъ ничего, кромѣ инстинктивнаго сознанія личной опасности. Поэтому религіозный страхъ чувствуется не предъ явленіями природы, какъ таковыми (бурею, солнечнымъ затменіемъ, громомъ и пр.), но предъ высшимъ ихъ Существомъ, дѣйствіями котораго онѣ почитаются. Откуда же теперь это новое понятіе *Существа*, производящаго явленія природы и властвующаго надъ ними? Откуда это понятіе, измѣняющее страхъ въ благоговѣніе и служащее основою, хотя очень несовершеннаго, но тѣмъ не менѣе отличнаго отъ простаго ощущенія физическаго страха, религіознаго чувства? Явленія природы сами по себѣ, какъ бы онѣ грозны ни были, не могли бы образовать въ душѣ человѣка этого понятія, если бы въ немъ уже предварительно не находилось побужденія къ образованію его. Если въ человѣкѣ уже есть хотя темная идея о Существоѣ высочайшемъ, болѣе могущественномъ, чѣмъ онъ, то очень можетъ быть, что при нѣразвитости ума и нравственнаго чувства, пораженный грозными явленіями природы и ея силами, онъ къ этимъ именно явленіямъ и силамъ отнесетъ то понятіе о бытіи высочайшемъ, которое находится въ его умѣ. Но если бы въ немъ не было никакого ощущенія бытія высшей его невидимой Силы, если бы не было по крайней мѣрѣ никакого побужденія искать ея въ природѣ, то никакія самыя поразительныя „астральныя и метеорологическія явленія“ ея не могли бы вызвать понятія о Богѣ въ умѣ его. Страхъ остался бы обыкновеннымъ страхомъ, произвелъ бы, пожалуй, сознаніе безпомощности и зависимости отъ природы, но не вызвалъ бы представленія о Существоѣ, управляющемъ явленіями природы.

Не говоримъ уже о томъ, что рассматриваемая гипотеза происхожденія религіозной идеи, если и можетъ имѣть подобіе вѣроятности, то только въ приложеніи къ вѣрованіямъ или очень дикихъ племенъ, или очень еще не развитаго состоянія общества. Всеобщность религіи, ея существованіе во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, рѣшительно необъяснимы съ точки зрѣнія этой теоріи и служатъ окончательнымъ опро-

верженіемъ ея. Пусть, какъ говоритъ Лукрецій и какъ думаютъ его новѣйшіе послѣдователи, страхъ произвелъ первыхъ боговъ; что же поддерживало религію въ послѣдствіи, когда этотъ дѣтскій страхъ разсѣялся? Какимъ образомъ заблужденіе неразвитости и безпомощности первыхъ людей распространилось повсюду и удержалось навсегда, когда съ развитіемъ наукъ, искусствъ, общественной жизни, исчезло чувство боязливаго страха предъ явленіями природы? Еслибы чувство страха повело къ созданію религіи, то это созданіе давно бы рушилось, не оставивъ послѣ себя и слѣда.

Новѣйшій матеріализмъ, не довольствуясь прежними антирелигіозными попытками объяснить происхожденіе религіозной идеи, ищетъ новаго объясненія — въ присущемъ человѣку стремленіи создавать идеалы и въ способности его представлять дѣйствительными не имѣющими реальности произведенія фантазіи. Недовольный окружающею его дѣйствительностію, человѣкъ создаетъ идеалы лучшаго порядка вещей, — идеализируетъ дѣйствительность. Недовольный собою и окружающими его людьми, онъ создаетъ идеалъ совершеннаго человѣка, при помощи фантазіи увеличивая его до необычайныхъ размѣровъ силы и совершенства. Затѣмъ онъ убѣждается въ реальномъ бытіи этого идеала, относится къ нему, какъ къ дѣйствительному объекту, — словомъ создаетъ представленіе о Богѣ и религіи. Неизбѣжны, хотя болѣе или менѣе тонкія по степени образованности людей, антропоморфическія черты въ идеѣ о Богѣ будтобы указываютъ именно на такое ея происхожденіе. Итакъ идея Божества, по мнѣнію этихъ мыслителей, собственно есть олицетворенный человѣческій идеалъ. Какъ вообще потребность въ идеалахъ является въ слѣдствіе недовольства человѣка окружающимъ его и въ слѣдствіе его несовершенства, такъ и потребность религіозной идеи есть слѣдствіе несовершенства и порочности людей. Боги — это идеалы людей, изображенія, каковыми они должны быть, но какими они не суть на самомъ дѣлѣ, — изображенія, которыя и являются именно потому и тогда, когда люди не таковы, какими имъ нужно быть*).

Вся эта теорія держится единственно на спутанности понятія объ идеалѣ и способности къ идеализаціи. Конечно въ

---

*) Теорія Фейербаха и его школы.